

Театральное агентство «Богис» (художественный руководитель Галина Боголюбова). Последняя премьера агентства — спектакль «Анна Каренина»

АЛЕКСЕЙ БУРЫКИН

И всюду страсти роковые, и от судеб спасехья жет

Фотографии Игоря Гивашева

Пожалуй, ни об одном спектакле прошедшего сезона не было столь разноречивых откликов, как о спектакле, поставленном Андреем Эшпаем (литературная разработка — Андрей Эшпай и Анатолий Ермилов, художник Сергей Якунин, балетмейстер Михаил Лавровский, композитор Михаил Леденев) по роману Льва Толстого «Анна Каренина»

Дни выходили из зала с негодующим возгласом: «Это — не Толстой!». Другие только недоуменно пожимали плечами, пытаясь сравнить спектакль с толстовским романом. И как-то забывалось главное, что художника, говоря словами А.С. Пушкина, надо судить по законам, которые он сам для себя создает. Андрей Эшпай ставил не роман «Анна Каренина», а спектакль, который точнее бы было назвать «Исповедь Анны». «Анна Каренина» — спектакль-монолог Евгении Симоновой и ожидать некой «традиционности» в подаче толстовского текста было бы не справедливо. Не случаен и эпиграф к постановке — слова самого Толстого из его «Исповеди»: «...приходит на мысль: не может это быть правда. Это сон. Проснись. Я пытаюсь проснуться и не могу».

Евгения Симонова
в спектакле-монологе
«Анна Каренина»

АФИША

Итак, сон и действительность, мечта и жизнь. Пожалуй, сегодня именно этот душевный разлад может быть как никогда близок нам, пережившим за последнее время массу трагических разочарований, внутренних борений и переживаний.

Трагический разлом в душе Анны-Симоновой — вот вектор, определивший работу всех создателей спектакля и чутко (в отличие от ряда критиков) услышанный зрителями, устраивавшими после каждого спектакля долгие овации.

Евгения Симонова, давно заимевшая право на спектакль-монолог, сделала заведомо рискованный шаг. И она, и Андрей Эшпай прекрасно понимали, что, предлагая именно такое прочтение толстовского романа, навлекут на себя гнев некоторых представителей театральной общественности и снова всколыхнут прежние споры о том, можно или нельзя так обращаться с классикой, возможна ли такая интерпретация знаменитого романа.

Спектакль, выстроенный как по нотам, строг и в то же время эмоционален, страстен и по-настоящему трагичен и, несомненно, соответствует той линии романа, которая касается внутренней жизни Анны.

Эшпай очень точно угадал главное: не стремление Анны к смерти, а неистовое желание жизни. «Это должна быть женщина, борющаяся за жизнь, а не идущая на смерть». И Анна-Симонова на протяжении всего спектакля пытается бороться за жизнь, найти для себя выход, обращаясь то к одному, то к другому, пытаясь обрести общее духовное пространство. Но все напрасно. Одиночество, пустота, невозможность достучаться до кого-либо. И не может она найти такое положение, при «котором жизнь бы не была мучением». И отчаяние от того, что ни Вронский, которого она любит, ни Каренин, который ее

любит, не чувствуют и не понимают ее, находясь где-то в совершенно другом мире, заставляя ее переживать почти нечеловеческие муки и душевную боль.

Спектакль раскручивается как упругая пружина. Симонова-Анна на протяжении часа с лишним выплескивает эту боль с восхитительной расточительностью. Накал к концу спектакля достигает апогея, когда вконец измучившая себя Анна-Симонова выкрикивает почти без надежды быть услышанной: «Мне, главное, не хотелось бы, чтобы думали, что я что-нибудь хочу доказать. Я ничего не хочу доказать, я просто хочу жить, никому не делать зла, кроме себя. На это я имею право, не правда ли?» И, как во сне, она разматывает заставшие белые облака, словно «расчищая» пространство для своего безумного полета.

И со словами «прости меня, Господи!» Симонова-Анна, начинает бешено вращаться внутри конструкции на центрифуге: зрелище одновременно завораживающее и жуткое, до холодка внутри и мурашек по телу...

И этот последний полет Симоновой-Анны до боли созвучен словам Толстого, записанным им в дневнике незадолго до ухода из Ясной Поляны: «Молился, чтобы Он избавил меня от этой жизни, и опять молюсь и кричу от боли. Запутался. Завяз. Сам не могу, ненавижу себя и свою жизнь».

Собственно, и весь спектакль, выстроенный Эшпаем, — это прощание Анны с внешним миром, почти площадное покаяние, характерное для русской литературы девятнадцатого столетия. Анна-Симонова сердцем, плотью, своим страданием оказывается созвучна именно нам, живущим в конце столетия, и ощущающим свое почти космическое одиночество, неслышанность.

Брошенность.

АФИША